О Царь-колоколе, бубенцах, валдайских колокольчиках, о биле и нерехонских трубах

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

К колоколу на Руси с глубокой древности отношение было особенным. Нам достались полные загадок и таинства рассказы, сказки, предания и былины о колоколах, о том, как колокольный звон отводит дьявольские козни, болезни, бури и молнии; как колокол не раз звонил «сам по себе», предрекая войну, голод или смерть государя; как за неугодный звон по воле царей колокола «казнили» пред народом: били батогами, отрубали ухо и отправляли в ссылку.

В чем же загадка колокола? Откуда в нем столько притягательных свойств, столько чудесных сил, обращенных к одушевленной и неодушевленной природе?

Поспешим же перевернуть страницы книжки и узнать историю божественного вестника – колокола, крепко соединенную с судьбою России и ее народа.

- Н.И Кабанова
  - Милые дети!
  - Предшественники колокола:
  - Откуда пришел колокол?
  - Колокола на Руси
  - Господин Великий Новгород
  - Очеп и веревка
  - «А лил мастер Бориско»
  - Москва. XVII-XVIII века.
  - О звонницах и колокольнях
  - Форма колокола
  - О колокольном звуке
  - Как льют колокол
  - Названия колоколов
  - Церковные звоны
  - И еще раз о звуке
  - Библиография
- notes
  - 1.

Н.И Кабанова
О Царь-колоколе, бубенцах, валдайских колокольчиках, о биле и иерихонских трубах

Милые дети!

Прочитав название этой книжки, вы, конечно, решили заглянуть в нее. Ведь не всем известно, что такое било и иерихонские трубы. А колокольчик, бубенец и настоящие колокола многие назовут самыми интересными предметами на свете. Какая радость хоть минутку подержать в руках колокольчик и послушать его заливистый голосок! И представьте себе, что взрослые позволили вам взобраться на колокольню: «... веселая, пьянящая, головокружительная пестрота внизу, под моими ногами. Небо страшно близко: вот-вот дотянешься рукой до белого пухлого ленивого облачка. О, верх мальчишеского счастья – наконец – то в моих руках веревка от самого главного, самого большого колокола.

Грушевидный язык его тяжел и долго скрипит своим ухом, пока его раскачиваешь. Ба – ам!.. Теперь уж больше ничего не видишь, не слышишь и не понимаешь. В ушах больно от мощных колебаний. Еще!... еще...»

Это удивительное состояние, описанное русским писателем А. И. Куприным, повторяется в каждом человеке, от мала до велика, окажись он на колокольне. Повторяется неизменно и много веков. А колоколен, как и храмов, в прежние времена было множество на русской земле. В Светлую Пасхальную седмицу, когда на колокольню допускаются все желающие, от детишек не было отбоя, и весь день с колоколен несся радостный и часто бестолковый трезвон.

Даже цари русские любили бывать на колокольне и стремились слить свой именной колокол тяжелее его предшественников, чтобы молитвы царские к Богу звучали явственнее всех прочих. В четвертом часу утра взбирался Иоанн Грозный с царевичами на колокольню прозвонить к заутрене. А полководец Александр Васильевич Суворов удивлял перезвоном духовенство и прихожан своего села Кончанского.

К колоколу на Руси с глубокой древности отношение было

особенным. Нам достались полные загадок и таинства рассказы, сказки, предания и былины о колоколах, о том, как колокольный звон отводит дьявольские козни, болезни, бури и молнии; как колокол не раз звонил «сам по себе», предрекая войну, голод или смерть государя; как за неугодный звон по воле царей колокола «казнили» пред народом: били батогами, отрубали ухо и отправляли в ссылку. Попав в неволю, в чужие земли, колокол мог вдруг замолчать. Так случилось с колоколом святой Богородицы, который князь Александр Васильевич Суздальский решил забрать из Владимира, « и колокол не начал звонити, яко же был в Володимере; и виде Александр, яко сгрубил святой Богородицы, и повелел его паки везти в Володимер и поставиша его в свое место, и паки бысть глас яко же и прежде богоугоден».

В чем же загадка колокола? Откуда в нем столько притягательных свойств, столько чудесных сил, обращенных к одушевленной и неодушевленной природе?

Колокол – это предмет церковный. И прежде, чем поднять на колокольню, колокол всегда освящался священником, то есть ему испрашивалось Божие благословение и сила: «…И ныне, Владыко Пресвятый… небесным святым Твоим благословением и благодатию всеосвящающего Твоего Духа благослови и освяти, и влей вонь (в него) силу благодати Твоея, яко да услышавше вернии раби Твои глас звука его, в благочестии и вере укрепятся, и мужественно всем диавольским наветам сопротивостанут… к церкви же на молитву… во дни и в нощи спешно, яко ведоми, да утолятся же, и утишатся, и престанут нападаюшия бури ветреныя, гради же и вихри, и громы страшны, и молнии, и злорастворении и вреднии воздуси гласом его…»

Напутствуемый такою церковною молитвой, колокольный звон уже не мог быть пуст и прост. Вот и утишал, и прекращал он бури и молнии, освящал своим звоном воздух и изгонял из него вредоносные силы. А человека укреплял в благочестии и вере, наставлял молитвою и славословием противостоять «всем диавольскими наветам». Слыша церковный звон, в старое время народ снимал шапки и крестился, призывая на себя благодать Божию. И уставшая, страждушая душа умиротворялась и напитывалась радостью, а грешная с беспокойством оборачивалась.

Колокольному звону, собирающему прихожан на богослужение, было дано точное название – благовест, что значит добрая радостная весть. Как благовестие переводится на русский язык и слово «Евангелие». Весть эта о Христе, который вторым Своим пришествием в конце мира будет судить живых и мертвых. И совершится изменение живых людей в бессмертные существа и

Воскресение умерших. Сам Господь говорит, что при конце мира «пошлет ангелов Своих с трубою громогласною». Эту громогласную архангельскую трубу и призван -напоминать нам колокольный благовест.

Через колокол укрепляли русские люди священную связь с Творцом. Наполняли свои храмы удивительным изобилием колоколов, от небольших до поражавших мир громадных великанов. Колокола плакали, стонали, молились о русской земле в годы лихолетий. Когда же приходил конец страшной войне, ничто не могло сказать сильнее о народной радости, как мощные победные ликующие трезвоны. И издревле повелось, что самым горьким наказанием для побежденного города и народа, означавшим потерю воли, было лишение колоколов. В междоусобных войнах князья забирали друг у друга вечевые колокола. Государи, воюя, как важный военный трофей привозили иноземные «пленные» колокола. А в двадцатые годы уже нашего столетия это страшное лишение постигло всю русскую землю. Богоборцы отняли у России колокола. Пустые глазницы колоколен и разрушенных храмов осиротело, с укоризной взирали на суету целого поколения людей, не знавших храма Бога и поднебесного певца-колокола. Поэтому не удивительно, что не только вы, но и ваши родители, бабушки – дедушки с интересом всматриваются и вслушиваются сегодня в благовестящие колокольни. Заново налаживают для себя люди связь с Творцом неба и земли. Возрождаются монастыри и церковные приходы, возрождается колокол и славное русское звонарное искусство. При храмах открываются детские воскресные школы, и нередкость в них –маленькие звонницы с колоколами. Здесь детям рассказывают о колоколах и учат колокольному звону. От этих детских звонниц совсем не далеко до настоящей колокольни

Поспешим же перевернуть страницы книжки и узнать историю божественного вестника – колокола, крепко соединенную с судьбою России и ее народа.

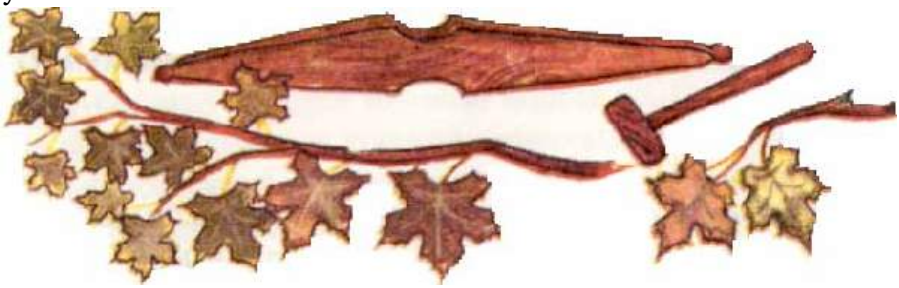
Предшественники колокола: иерихонская труба и старое доброе било.

Много – много лет назад вместо колокола были совсем другие инструменты. Ветхий Завет рассказывает нам, что святой пророк и боговидец Моисей вывел евреев из Египта, где притеснялись они египтянами, и по повелению Божию устроил семь серебряных труб. Их громкие звуки далеко оглашали окружающую местность, собирая этот народ пред дверьми древнего храма – скинии. Через 40 лет блужданий по пустыне Господь привел евреев в обетованную землю, цветущую и плодородную, к городу Иерихону. Жители Иерихона были воинственны, а стены их города неприступны. Господь же указал еврейским священникам обойти вкруг города со своими святынями семь раз, трубя в трубы. Они проделали это, и стены вдруг упали сами собой. Жители в ужасе разбежались, а евреи поселились на указанном Богом месте. С тех пор церковные трубы именовались иерихонскими.

Вы знаете, как Сын Божий был послан на Землю, как был распят и умер на Кресте, и воскрес, всех освободив от смерти.

Многие люди от апостолов принимали Его божественное учение. Язычники, которые не веровали в Спасителя, жестоко преследовали первых христиан. Вынужденные скрываться,

собирались они в потаенных местах – пещерах, катакомбах возносить Господу свои теплые молитвы. Узнавали о собраниях через вестовщиков изустно. Отдельные историки утверждают, что вестники эти, бегая от дома к дому, собирали паству звоном бубенчика.



В четвертом веке могущественный римский император Константин Великий сам принял христианство и во всех землях громадной Римской империи дал свободу христианским общинам. Вновь появились иерихонские трубы. христиане под их звуки с пением «аллилуя» ходили по улицам, призывая на молитвы. Были еще и будильные молотки – колотушки. Ими ударяли в дверь или в специальную доску. Такие простые приспособления – деревянные и металлические доски с молоточком крепко прижились в последующие века на православном Востоке. Греки называли их симандрами. Позже на Руси их будут именовать «древом», «током», «клепалом», а чаше «билом» (от слова «бить»).

До сих пор этим инструментом с негромким деревянным голосом, дешевым и простым в изготовлении, продолжают пользоваться многие обители и скиты: палестинские сирийские, греческие на Афоне. «Мы бедны, – рассуждал грек одного из монастырей Святой Афонской Горы, – на колокола у нас денег нет, а доска найдется, и било сумеет сделать сами».

Колокольная традиция мало разовьется на Востоке. С XV века Малая Азия и Балканский полуостров окажутся во власти турок – мусульман. Турки запрещали звонить в колокола, которые, по их убеждению, беспокоют витающие в воздухе души мертвых. Выручало православные народы било.

А в древних рукописях сохранилось еще одно объяснение почтения к билу. «Колокола не держат во Святой Софии, но бильцо мало в руце держа, клепают на заутрени... Било же держат по ангелову внушению, а в колоколы латы не звонят», – так писал архиепископ новгородский Антоний, путешествуя во Царьград (русское название Констрантинополя), о Софийском соборе в XIII веке.

И на Руси в первые века христианства било пользовалось

преимуществом. Летопись, повествующая о крещении Руси (988 год), подробно перечисляет церковную утварь, привезенную равноапостольным князем Владимиром из Византии в Киев, вовсе не упоминает колокола. В древнем Киево – Печерском монастыре игумен преподобный Феодосий для оповещения братии применял било, по уставу греческого Студийского монастыря, где монахи славились строгим благочестием и суровой жизнью. Остальные же русские монастыри следовали правилу Печерской обители. Даже в пору расцвета колокололитейного искусства на Руси отдельные скиты и монастыри по – прежнему использовали било. Согласитесь сами, ведь на протяженных русских землях, в глухих лесах обитали разбойники, в пограничных местах – недружелюбные соседние народы, а сильный металлический звук колокола привлекал внимание. Да и трудно было расстаться с привычкой к стуку деревянной доски, долго казался неладным голос колокола.

Как же устроено било? Подразделяются била на «малые» и «большие». Обычный вид малого била или «малого древа», как его именуют, напоминает двухвесельную доску с вырезкой посередине для удобного держания левой рукой. Правой рукой держат молоток. Длина малого била приближается к трем аршинам (2 метра 13 см), а ширина к трем вершкам (13 см) В своих окончаниях обычно доска бывает более тонкой, чем в середине, где находится выемка для руки. Хотя на приведенной здесь картинке мы видим у афонского монаха било иное, расширяющееся к концам.

Большое било или «великое било», «великое древо» представляет собою толстую доску до трех саженей (чуть более б метров). Ударяют в великое било сильно, «тяжко». Оно вешается при церкви на особых перекладинах или глаголях (выступах из стен). Бил бывает по нескольку: будничное, среднее и праздничное.

Клепало – это металлическое (из меди или чугуна) полуколесо или короткая доска, по которой ударяют железным молотком. Известен также пример каменного била. Таким билом пользовались в Соловецкой обитали во времена ее основателя игумена преподобного Зосимы в XV веке.

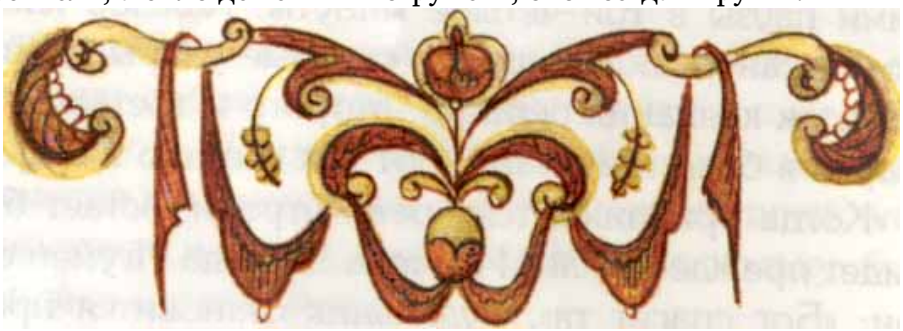
Удары по билу и клепалу называются «клепаниями». Для деревянного била используют наиболее музыкальное дерево – клен, ясень, бук. Сухое било из этих пород при клепании дает разные по высоте звуки. Зависят они от толщины места удара и силы удара. Из этих звуков складывается незамысловатая мелодия. В русских северных скитах она обычно бывала неторопliва, а вот на юге, например на Афоне, содержит даже виртуозные пассажи. Таких мелодических клепаний перед службой совершается три. Между ними паузы в три – четыре минуты. Каждое клепание при этом заканчивают редкие и сильные удары, указывающие порядок клепания первого, второго и третьего.

Ударял в било пономарь. Вот как сказано в старинной книге: «Когда приближается время утрени, встает будильник и идет прежде к келье Игумена... Когда Игумен скажет изнутри: „Бог спасет тя“, будильник становится пред его кельей и... повелевает (пономарю) клепать в било. Когда клепают, он обходит братские кельи и будит всех, громко говоря: „Благословите святий“. Когда обойдет все кельи, пономарь ударяет в другое било. В это время все монахи собираются к церкви. При ударении, наконец, в малое било входят и становятся на паперти с Игуменом...»

В службе каждому билу отводится свое место: «В будни дни для сбора в девятом часу ударяли в малое била, перед началом

вечерни – в большое, затем в медное или железное, и уже после этого начиналась вечерня. Зов к полунощнице…били медленно до 50 раз. В это время братия пели полунощницу, по окончании ее ударяли в железное или медное било, и начиналась утреня. На всенощной ударяли три раза: перед началом – для сбора братии, перед шестопсалмием – для второго сбора… Перед Евангелием…» Эти уставные указания стали относиться и к колоколам, когда било уступило им место в церкви.

А в наше время на русской земле множество церквей и монастырей возрождается к жизни, и, не уступая колоколу, старое доброе било опять служит Богу и людям. Хотя формы его встречаются самые неожиданные – подвешенный пустой котел, баллон, кусок рельса, попавший под руку необработанный, но «поющий» кусок дерева. Трудно подниматься православной обители, а било дешевый инструмент, оно всегда выручит.



Откуда пришел колокол?

Одному из монахов древнего Афона принадлежит замечательное сравнение била и колокола: «Слабые звуки дерева и железа напоминают нам неясные и таинственные речи пророков, а шум и стройная игра колоколов – благовестие Евангелия, торжество его во всех концах вселенной...» Но не сразу колокол стал Евангельским благовестником. Путь его к христианскому храму долог и до сих пор наполнен для нас немалым количеством загадок. Одна из них – происхождение колокола.

Древнейшие предки колокола – бубенец и колокольчик ученые нашли в быту многих народов: египтян, евреев, этрусков, скифов и других. Принадлежащие разным землям и не имевшие родства по происхождению, они, однако, были удивительно схожи своей формой. Это породило научную версию о появлении колокольчика и бубенца сразу в нескольких древних культурных центрах. Ведь вы, наверное, слышали, что бывали в истории случаи, когда даже важные научные открытия делались одновременно в разных странах. Наверное, так произошло и с колокольчиком.

Еще в IV тысячелетии до нашей эры люди научились изготовлять бронзу и стали делать разнообразные из нее предметы. Они заметили, что при ударе бронза дает певучий и продолжительный звук. Согнутая в замкнутую форму бронзовая пластина с привешенным внутрь грузом от малейшего сотрясения производила звон. Так, по мнению исследователей, мог появиться колокольчик.

Бубенец же устроен еще проще. Он весь кругл, замкнут, а внутри по бронзовым стенкам катаются, позванивая, металлические шарики. В колокольчике яркий звук давало открытое отверстие, а в бубенце для большей звучности делались удлиненные прорези. Формы бубенца и колокольчика у древних мастеров иногда взаимовлияли друг на друга. Бубенцы могли иметь форму колокольчика, при этом нижнее отверстие закрывалось крышкой. В колокольчике же могли делаться дополнительные щели – прорези, свойственные бубенцу.

В споре о происхождении колокола ряд ученых считает его родиной Китай, откуда колокол по Великому шелковому пути мог прийти в Европу. Доказательством служит тот факт, что именно в Китае появилось первое бронзовое литье, и там же найдены самые древние колокольчики, прообразы будущих колоколов. Принадлежат эти колокольчики XIII-XI векам до нашей эры. Размеры их невелики – 4,5 и 5,7 сантиметров. Пользовались ими по–разному: вешали на пояс, отпугивали злых духов, в качестве амулетов на шею лошади, на службе военной, в храме при богослужении, во время церемоний и ритуалов. Позднее, к V веку

до нашей эры, увлечение колокольной музыкой сделалось в Китае так велико, что понадобились не единичные колокольчики, но целые наборы. В них подчас насчитывалось более 60 колокольчиков. Были тут и настоящие колокола, высотою до 80 сантиметров. Причем технология их отливки достигла такого совершенства, что колокола делались с заранее заданным тоном звучания.

От китайского и вавилонского колокольчиков, показанных на фотографиях, веет невероятной древностью. Стенки изъедены временем, и трудно представить их блестящими, звонкими, радующими чей– то слух. Колокол на третьей фотографии выглядит немного моложе, так как принадлежит уже 1 веку до нашей эры. Изъяли его из – под пепла погибшего одновременно с Помпеями Геркуланума Высота его -17сантиметров показывает, что в античном городе от него требовался голос значительной силы. Такой колокол мог будить рабов в доме, извещать об открытии рынков, бань, о казнях и поливках улиц. Подобные обязанности небольшой колокол будет выполнять все последующие века в городах Европы: его сигнал в Бонне означал начало уборки улиц; Этампе (Франция) после удара колокола, называвшегося Преследователь гуляк», тушили уличные огни; в Турине (Италия) имелся “хлебный колокол” для домохозяек; в средневековой Англии колокол сопровождал похоронную процессию; в Бовене (Франция) существовал колокол, объявлявший о начале торговли рыбой и называвшийся «Торговка рыбой», в Антверпене (Бельгия) один колокол оповещал о начале и конце рабочего дня, а с ударом другого открывались и закрывались городские ворота. Звоном колокола сопровождали преступника на казнь. В Берне (Швейцария) существовал колокол «Красная книга»: на внутренней его стенке были выгравированы имена казненных. Существовали морские сторожевые колокола, крепившиеся к плавающему бую или к скале. И до сих пор гибель судна в иных прибрежных местах отмечается ударом колокола.

Первые христианские колокола появились на Западе, вероятно, в конце IV – начале V веков. По преданию, первый колокол отлил для католической церкви епископ Павлин из города Нола, находящегося в южной Италии в древней области Кампаньи, которая издавна славилась хорошим качеством меди. Потому и древним церковным колоколам дано название кампанов. Эти первые христианские колокола были небольшими, помешались на папертях перед входом в храм или на специальных перекладинах, опиравшихся на столбы. Со временем колокола прибавили в весе и им стали ставить на крыше церкви башенку. Звонили при этом с земли. К IX веку, когда колокола

приняла восточная православная церковь, им сооружали уже колокольни рядом с храмом.

Начало православным колоколам положил подарок венецианского дожа Орсо I греческому императору Михаилу III. Это были 12 колоколов, которые греки разместили на специально выстроенной колокольне рядом с собором Святой Софии в Константинополе в 865 году. Но Византийская империя в "Ч веке окончательно пала под натиском турецких полчиш. Константинополь бы переименован в Стамбул, греки – христиане вытеснены в один квартал и обложены податями. Колокола были запрещены, а первые колокола Софийского Собора уничтожены. Разрешались колокола лишь в самых отдаленных обителях, и православный Восток продолжал пользоваться билом.

Колокола на Руси

На Руси колокола стали появляться вскоре после принятия православной веры. В северные русские земли они завозились с Запада, а в Киев из византийского города Корсунь (Херсонес, близ нынешнего Севастополя). Позднее на Руси корсунскими называли все заморские предметы с Ближнего Востока.

Но сведения о колоколах до XIV века очень отрывочны. Отливка собственных – колоколов если существовала, то незначительная. Ведь времена те были тяжелыми. Распри князей не давали спокойной жизни русской земле, а затем появился страшный враг – татаро–монголы, терзавшие Русь два с половиной столетия. Колокола переходили из рук в руки как пенный трофей в междоусобных войнах, разбивались и плавились в огне пожарищ татаро – монгольских погромов.

В 1380 году Московский князь Димитрий Донской одержал победу над Мамаем. Поняли князья необходимость своего объединения. И, несмотря на продолжавшиеся набеги Тохтамыша и Тимура хромца, началось собирание русских земель в единое государство – Московскую Русь, которое быстро росло и укреплялось. К XVI веку наполнится оно множеством церквей, и зазвучат на русских просторах колокола в полный голос выражением молитвы, торжества и крепости православия, верность которому закалили жестокие испытания.

Господин Великий Новгород

Северные города не испытали татаро – монгольского ига. Приходили воевать новгородско – псковские земли соседи – шведы и насаждавшие католичество немцы – крестоносцы. Но вы знаете, как славный князь Александр Невский, встав во главе ополченцев, сумел наголову разбить непрошеных пришельцев. У самого же князя Александра отношения с новгородцами складывались не просто. А дело в том, что русские князья поначалу пренебрегали этими глухими, отдаленными местами, редко посещали их. Привыкли новгородцы и псковичи к вольности, завели себе собственное управление – общую сходку горожан, называвшуюся «вече», с верховной властью – посадниками да тысяцкими. А когда вырос Новгород в богатый торговый город, и князья протянули к нему властную руку, то отклонили новгородцы излишнюю княжескую опеку. Стали держать князей на договоре, а не понравится – «показывали путь», изгоняли. Даже епископа ставили по собственному выбору. Князья пытались воевать Новгород, чтобы полноправно владеть им. И лишь великий князь московский, праправнук Димитрия Донского, Иоанн Васильевич (Иоанн 111), большим трудом и талантом собиравший Русь в единое государство, сумел отобрать новгородскую вольность. Долго ожидал он мирного присоединения новгородцев, но прослышал, что, не желая власти Москвы, новгородцы сговорились и готовы принять власть католического польского короля Казимира. Решительно пошел великий князь на Новгород с войском и победил его (1477 год). С присоединением обширных новгородских владений превратилось Московское государство в единую могучую державу.

Яркая история северных русских земель вплела в себя и самобытную историю колоколов. Первое летописное упоминание о новгородских колоколах одиннадцатого века рассказывает, как полоцкий князь Всеслав воевал Новгород (10бб год) «и колоколы съима у святыя Софии и паникадил съима». А в житии преподобного Антония Римского сказано, что он, приплыв чудесным образом во время утрени из Италии в Новгород (110б год), услыхал великий звон. Каков был этот звон? Мы, конечно, никогда уже не узнаем. Но о первых колоколах новгородских известно, что попадали они с Запада, и были на них латинские надписи. Известно и о колоколе, который после покорения Новгорода Иоанном 111 на волокушах по зимнему пути увезли в Москву. Это был, так называемый, вечевой колокол, неторопливыми, могучими ударами собиравший жителей на вече

и служивший символом новгородской вольности. По преданию, за ним в Москву ушел и звонарь, не пожелавший с ним расстаться. Новгородский колокол Иоанн 111 приказал повесить на стене Московского Кремля возле Спасских ворот, в той полубашенке, куда русские государи поднимались после коронации показаться народу на Красной площади.

Вечевые колокола имелись позднее во многих русских городах, и у каждого была своя интересная и часто драматичная история. Такова история Псковского колокола. В 1510 году дьяк Долматов был послан великим князем Московским Василием 111 в Псков забрать вечевой колокол в знак подчиненности Москве, и псковичи, «удариша челом в землю, не могли против его ответа дать от слез и туги сердечные. Только тые не испустили слез, иже младенцы, сосушие млеко. И бе тогда во Пскове плач и стенание во всех домах, друг друга обнимаюше. И спустиша колокол вечной у святой Троицы и начаша псковичи, на колокол смотря, плакати по своей старине и по своей воле...»

Трагична история Витебского вечевого колокола . Жители Витебска по зову этого колокола в 1б23 году подняли мятеж против униатского епископа Кунцевича, насаждавшего унию. Ненавистного епископа народ убил, за что сам пострадал: шестнадцати мятежникам отрубили головы. А вечевой колокол был снят и разбит.

Характерен для Древней Руси того времени и набатный колокол, или «всполох». Звонили в него энергично и тревожно в случае приходившей беды: пожара, наводнения, приближающегося врага, когда нужно было скорее собрать народ. О неприятеле, подошедшем к стенам города, бил осадный колокол. Заплутавшему путнику в снежный буран помогали звуки «путевого» колокола, называемого еще «метельным». От церковного благовеста и набата он отличался прерывистым боем. В 60–е годы XIX века для «метельного звона» изобрели специальное приспособление, благодаря которому колокол в ветреную погоду мог звонить без звонаря, сам.

Поздно на Руси появились башенные часы: в Москве в XV веке, в других городах еще позже, например, в Вологде в XIX веке. И все эти годы до их появления время отбивали часовые колокола. Вот откуда взято выражение “пробил час”. На западе бой таких часовых колоколов предупреждался перезвоном колоколов поменьше, собиравшим внимание народа. Причем эта вступительная музыка исполнялась не звонарем, а особым механизмом – барабаном с рычагами, приводившими в движение колокола.

Все устройство называлось курантами. Куранты были завезены в Россию при Петре 1. Их и сегодня можно услышать со Спасской башни Московского Кремля и в Санкт Петербурге с Петропавловского собора. Все перечисленные бытовые, не церковные колокола вешались на крепостной стене или на пожарной каланче. Жители узнавали их голоса по тембру, окраске звука, по выразительности ритмических ударов. Исключительно были важны эти колокола для русского человека Древней Руси. Они не раз помогали и спасали его в жизни.

Очеп и веревка

А как же звонили в колокола в первые века христианства на Руси? Оказывается, совсем не так, как мы привыкли видеть сегодня, а по – европейски: раскачивался не язык, а весь колокол. Ушами колокол неподвижно крепился к валу, концы которого вставлялись в выемки в стенах ниши, где колокол помешали. Вал имел отходящий в сторону шест очеп (или очап, оцеп), к которому привязывалась веревка. Дергая эту веревку, звонарь раскачивал колокол вместе с валом, и колокол ударял в висевший свободно язык. Колокольная веревка могла оканчиваться петлей-стременем. В стремя звонарь вставлял ногу, ритмично нажимал и звонил.

Существовал и более простой способ звона: по колоколам ударяли молоточком. Здесь на память приходит било.

Очепный способ был распространен во всех, за небольшим исключением, католических церквах не только в Европе, но и в Америке. Он давал не четкие, ритмичные, а бряцающие удары и не позволял использовать на колокольнях большие колокола. При раскачивании тяжелого колокола могла расшататься сама колокольня.

Опасность такой беды заставила замолчать большой колокол собора Парижской Богоматери, колокол собора Святого Стефана в Вене (750 пудов[1]). А редкий для немцев очепный колокол в 1670 пудов на колокольне Кельнского собора получил прозвище «Великий молчальник», так как совсем отказался звонить. Колокол и язык, подвешенные на изогнутом ярме, качались одновременно, не производя удара. Объясняется это законами механики.

Русские мастера – звонари, приложив смекалку, нашли новый способ звона, более удобный – язычный, которым пользуются сейчас. Открытие это, вероятно, произошло в XIV веке. Колокол крепился к металлическому или деревянному брусу ремнями или железными петлями, продернутыми через колокольные ужи. Раскачивающийся язык ударял в неподвижный колокол.

Русский способ звона допустил на колокольни колокола в сотни и тысячи пудов. Это создало неповторимое русское

колокольное многоголосие, опирающееся на низкие басовые колокольные голоса. А очепные колокола долго сохранялись на Руси вместе с язычными, вплоть до середины XVII века, особенно в северном крае. И до сих пор их заботливо берегут в древней Псково – Печерской обители как старый завет, с которого звон начал свое шествие по просторам русской земли.

«А лил мастер Бориско»

С открытием удобного язычного способа звона интерес к колоколам усиливается, и оживляется литье собственных отечественных колоколов. Поначалу русские мастера учились у иноземцев с Запада. Прозвища, даваемые им: Николай Немчин, Борис Римлянин и подобные, – встречаются и позднее, в XVI-XVII веках. В летописи XIV века появляется первое дошедшее до нас имя русского литейщика. Невелики сведения о нем. Известно, что он жил в Москве, тогда еще деревянной, уступавшей внешним величием и числом жителей Ярославлю, Твери, Владимиру. Мастер московский был знаменит, и новгородский архиепископ приглашал его слить великий колокол для Софийского собора. На колоколах он оставил свое имя: «А лил мастер Бориско».

Согласитесь, что традиция «надписывать» колокола замечательна. Со временем она разовьется. И если первые русские колокола имели гладкую поверхность, то теперь начнут появляться орнаменты, письмена, подчас даже очень пространные. Надписи будто летопись, которая сообщает нам о возрасте, весе колокола, о событии, в честь которого он отлит, о заказчике и самих мастерах. На отдельных колоколах будут изображаться святые угодники, патриархи, цари и царицы. Иногда целые пейзажи и даже батальные сцены, как на знаменитом Соловецком колоколе, где изображен Соловецкий монастырь и бомбардирующие английские фрегаты. Обитель чудесным

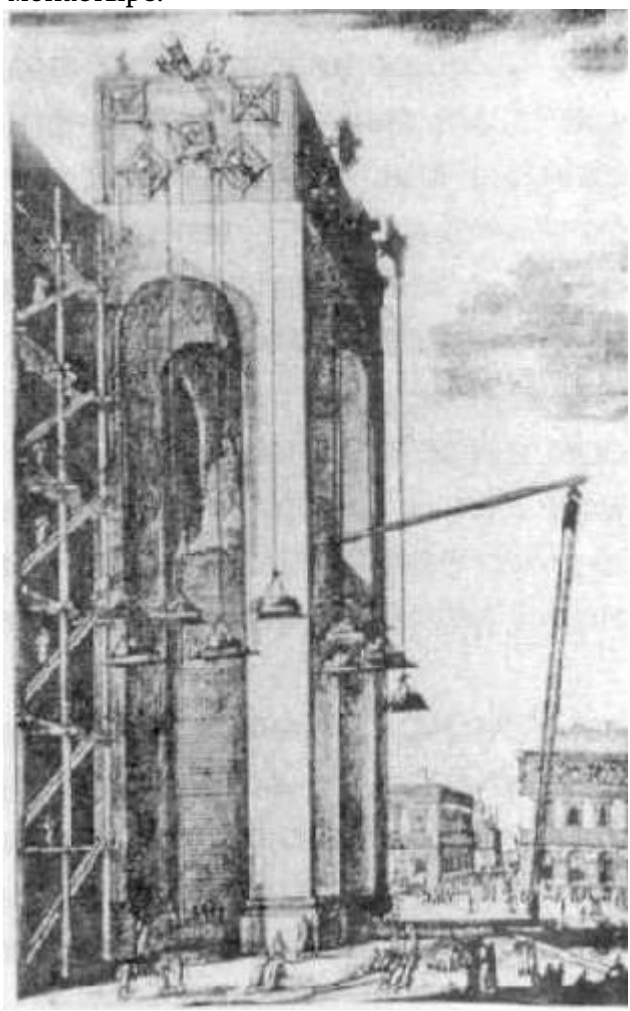
образом была спасена в 1854 году. Громадное количество английских

снарядов не тронуло ни единого человека из 700 обитателей и ни единой из чаек, во множестве селившихся там.

А надпись мастера Бориски... Пусть она небольшая, но это первая радостная весточка из глубины веков о начавшемся русском колокололитейном деле.

Москва. XVII-XVIII века. Колокола-гиганты.

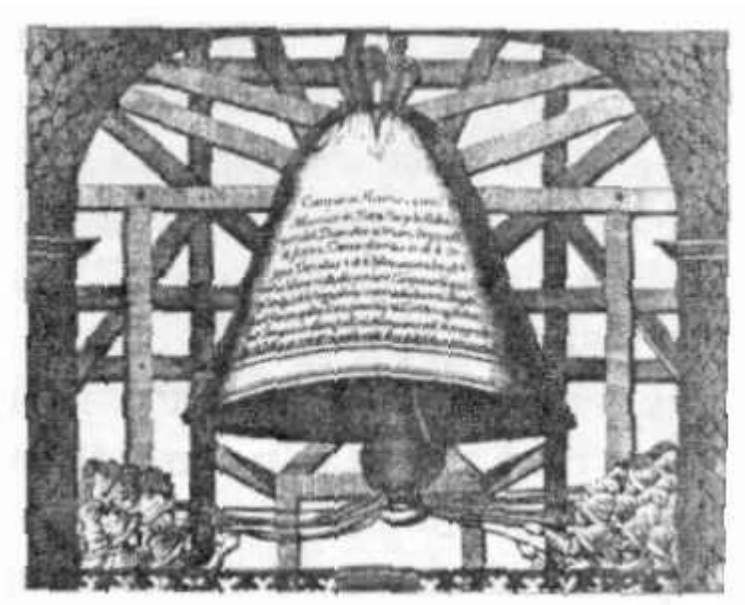
Отливку громадных колоколов в тысячи пудов, поистине великанов – богатырей, русские мастера освоили в XVII веке. Первенствовала московская литейная школа. Располагалась она на Пушечном дворе, то есть там, где лили пушки. Кроме московской, в это время знаменита и школа литья при Троице – Сергиевом монастыре.



Русские цари строго следили за процветанием колокольного и пушкарского дела. Царь Алексей Михайлович издал приказы, предписывающие детям, племянникам, братьям мастеров состоять на службе лишь в Пушкарском приказе и никуда более

не определяться. Поэтому все «ситцы» проживали со своими семьями в московской Пушкарской слободе. Этим поддерживались наследственные линии умельцев, их опыт и мастерство передавались из поколения в поколение. Ведь отливка колоколов требовала хороших знаний и большой практики.

С московским Пушечным двором связано много больших имен. Здесь мастер Андрей Чохов много отлил боевых пушек для русских войск, каждую в особой форме по восковой модели. Они имели свои имена: Медведь, Лисица, Ахиллес. Знаменита его Царь пушка, стоящая поныне в Московском Кремле. Ее покрывает замысловатый орнамент. Среди украшений есть изображение царя, за что и дали ей название. Андрей Чохов отлил четыре колокола на колокольню Ивана Великого. Его колокол Реут (1622 год) в 2.000 пудов находится до сих пор на звоннице церкви Рождества Христова в Московском Кремле. Для целой плеяды литейщиков Чохов стал учителем.



На Пушечном дворе отлит первый колокол – великан в 8.000 пудов, названный Большим Успенским. Работал над ним Емельян Данилов по приказу царя Алексея Михайловича в 1654 году. Извлекли колокол из литейной ямы, прозвонили благовест, и «от того благовесту... тот колокол разбился» – рассказывают исторические документы. Сам Емельян Данилов вскоре умер от моровой язвы. А государь приказал разбитый колокол перелить. И тут открываем интереснейший факт. Старые мастера уступили литье гиганта неизвестному тогда еще семнадцатилетнему юноше Александру Григорьеву, поручившись за его уменье. Сирийский

путешественник, находившийся в то время в Москве, так описал внешность Александра: «Мастер, из переживших моровую язву, молодой человек, малорослый, тщедушный, худой, моложе 20 лет, совсем еще безбородый». Впоследствии Григорьев создаст считавшийся самым благозвучным Большой колокол Саввино – Сторожевского монастыря (погиб в 1941 году). А в то время, в начале своего пути к мастерству, ему удалось, несмотря на «тщедушный» вид, превзойти всех прежде бывших мастеров. За 10 месяцев он перелил расколовшийся колокол, пополнив его вес до 12.000 пудов. Окружностью он вышел в 19 метров, язык весил 250 пудов. Григорьев руководил литьем, сам делал литейную форму, надписи и изображения на колоколе. За огромные размеры прозвали его Царь колоколом. Из литейной ямы на колокольню Ивана Великого колокол подняли лишь через 13 лет – так тяжело было это сделать. Одни документы рассказывают, что для раскачивания языка требовалось 40 – 50, по другим – 100 человек. Но и этот колокол просуществовал недолго. В 1701 году он раскололся во время страшного кремлевского пожара.

Два удивительных колокола – исполина Емельяна Данилова и Александра Григорьева были настоящим чудом света. Не знали таких огромных колоколов в Европе. А когда русские паломники приносили рассказы о чудо–колоколах братьям-славянам в Сербию и Болгарию, те поражались и не желали верить. У них колокола исчислялись в килограммах, а тут были тысячи пудов, астрономические величины.

Приобретенный опыт оставить и забыть было невозможно. Поэтому в XVIII веке императрица Анна Иоанновна приказала перелить Царь колокол вновь. Первоначально работы хотели возложить на иноземного мастера, члена Парижской академии наук Жермена. Но тот, напуганный неслыханной величиною заказываемого колокола, отказался. И отливку поручили Ивану Моторину с сыном Михаилом.

Иван Федорович происходил из славной династии литейщиков Моториных, начавших осваивать дело колокольное при Троице – Сергиевом монастыре. Там дед Моториных, Федор Дмитриевич, оставил свое имя не на одном колоколе. А его сын Иван Федорович, создавший к этому времени несколько крупных колоколов, был не только литейщиком, но и владельцем известного литейного завода.

Над поручением царицы Иван Федорович начал работать в январе 1733 года. Дело шло трудно: были аварии, а в момент выпуска металла из четырех печей произошел взрыв. В августе 1735 года Иван Федорович умер, и отливку колокола в ноябре завершил уже его сын Михаил. Последующие два года колокол

отшлифовывали, обрабатывали орнаментальные украшения, надписи и изображения. Автором этих работ был другой мастер – Федор Медведев.

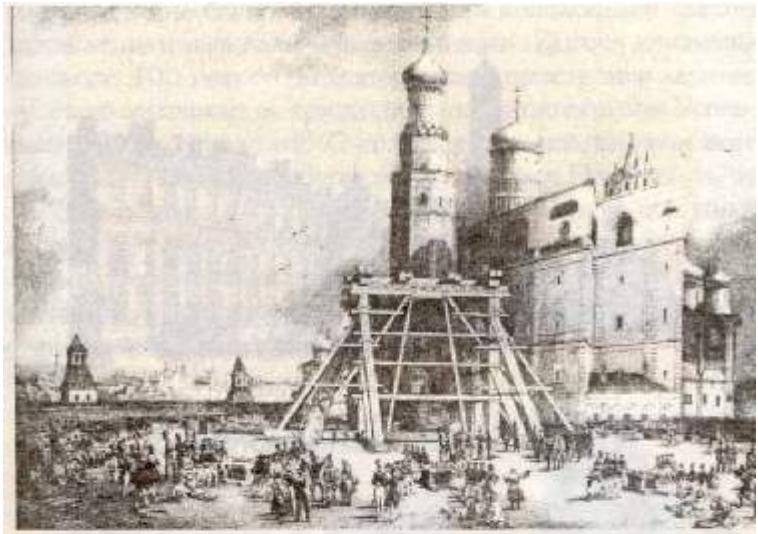
Так как в колоколе «текла кровь» двух гигантов предшественников, то изображения на нем должны были говорить о преемственности времен. Царица Анна Иоанновна во весь рост в коронационном наряде стоит рядом с царем Алексеем Михайловичем. Над ними – благословляющий их Господь. С другой стороны колокола– Патриах Никон в облачении, в митре, с посохом. На плечах колокола, то есть в верхней его части, находятся херувимы и серафимы с шестью крылами. В круглом медальоне под изображением царицы вылита надпись: «Лил сей колокол российский мастер Иван Федорович сын Моторин с сыном своим Михаилом Моториным».

Царь колокол вышел весом 12.000 пудов (более 200 тонн), высотой б метров 14 см, диаметром 6 метров 60 см. Колокол находился в литейной яме, когда в мае 1737 года случился страшный пожар в Кремле. Загорелись деревянные постройки – леса, сооруженные для подъема колокола из ямы. Сбежавшийся народ принялся тушить пожар и поливать колокол водой, опасаясь, что он расплавится от огня. Резкое охлаждение раскаленного колокола дало трещину. Откололся большой кусок в 11,5 тонн.

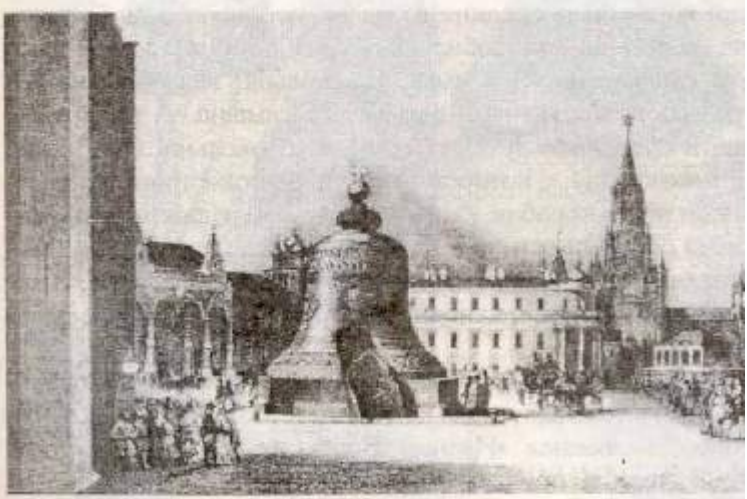
Чудо – колокол долго оставался в яме, куда по лестнице спускались любопытствующие осмотреть его. А в 1836 году он был поднят и поставлен на гранитный постамент возле колокольни Ивана Великого. Многие ученые думали о возможности восстановления этого самого тяжелого колокола в мире. Предлагались разные проекты. Но пока Царь – колокол остается беззвучным. Удивляются ему иноземцы. Гордостью наполняются сердца соотечественников, любующихся на него. А он стоит, как колокол-памятник о русских мастерах, величием своих творений прославлявших родное православное отечество.

Название «Царь колокол» носил еще один колокол – гигант, весивший 4.000 пудов, созданный тем же Михаилом Моториным в 1748 году для Троице – Сергиева монастыря. Он погиб, как и великое множество колоколов, уже в нашем веке, в советское время, когда колокола жестоко уничтожали, сбрасывали с колоколен, разбивали, переплавляли, продавали за границу. Исследователи подсчитали, что в начале XX века в одной Москве было около двухсот колоколов от 100 до 1.000 пудов. А по всей

России громадных в 1.000 и более пудов насчитывалось 39 колоколов. До наших дней из них дошло лишь пять. Три находятся в Московском Кремле: Царь колокол, Большой Успенский (отлит Яковом Завьяловым в 1819 году, в 4,000 пудов) и Реут А. Григорьева. Два колокола в Ростове Великом на соборной звоннице: Сысой и Полиелей.

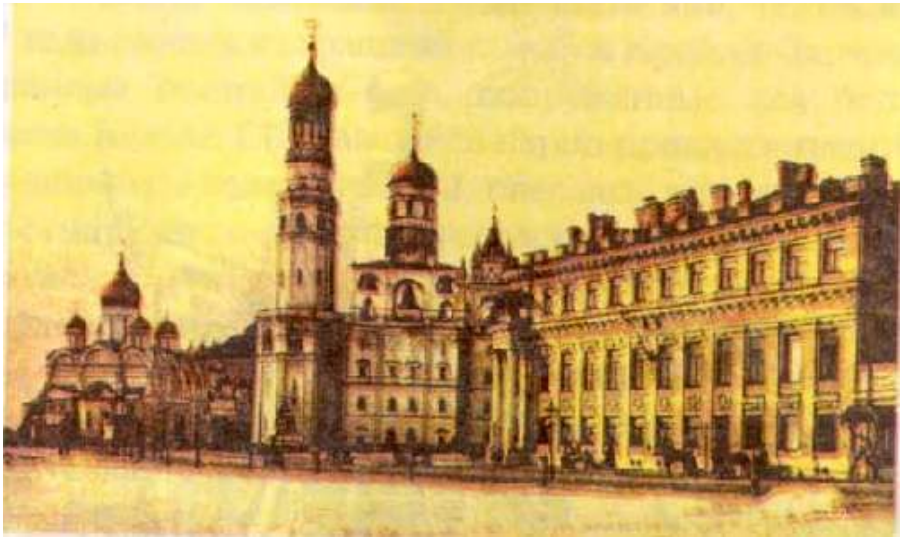


Подъем Царь-колокола из литейной ямы.



Царь-колокол, установленный на пьедестале.
Рисунки из книги О. Монферрана
«Описание Большого колокола в Москве». 1804г.

О звонницах и колокольнях



Сколь ни хороши были псковские звонницы, а принять они могли лишь средние да малые колокола. Для больших же колоколов понадобились особые сооружения – высокие колокольни. Чем выше колокольня, тем выше можно поднять колокол и тем дальше его слышно. А церковные книги объясняют духовный смысл колокольни. Она может означать «гору, с которой Господь благовествовал Евангелие, и мачту корабля, где находится наблюдатель, возвещающий об опасности или приближении долгожданной цели плавания, и вершину земной истории человечества, на которой прозвучит архангельская труба, благовествующая о Христе...»

В Москве самым величественным образцом столпообразной колокольни стала колокольня всех Кремлевских соборов, названная «Иваном Великим». Возведена она в 1600 году по приказу Бориса Годунова. В России тогда свирепствовал голод. 11арь строил эту колокольню, как и другие здания, с целью дать народу работу. Колокольня сооружалась на месте церкви Иоанна Лествичника. церковь уничтожена не была, а оказалась под колокольней. За это колокольне и имя дали «Иван Великий». Высота колокольни около 100 метров. Позднее рядом пристроили звонницу. Наибольшим из ее тридцати трех колоколов был Успенский или Праздничный. С его удара начинался звон всех московских церквей в Великую ночь перед Пасхой.

Встречались в России своеобразные «церкви под коло– колы», где единственный купол на высоком барабане служил

одновременно и колокольней. Самый ранний сохранившийся до наших времен пример такой церкви – Духовская церковь в Троице – Сергиевой лавре, построенная в 1476 году.

Но совершенно особое сооружение создал под колокола митрополит Иона Сысоевич в городе Ростове Ведиком в правление свое Ростовской митрополией (тогда еще не епархией) с 1652 по 1691 год.

Не лишенный Богом таланта митрополит Иона решил заняться большим важным делом – поставить в Ростове Кремль. Он сделал чертежи и «не покладая рук, с какой–то истовой одержимостью работал… вместе с мастерами – умельцами, внимательно слушая их советы, на месте дорабатывая свой проект». Встали башни и стены кремля, церкви Воскресения, Иоанна Богослова, Спаса на сенях, Григория Богослова. «Но особая любовь Ионы – колокольня и колокола. Много дум передумал митрополит, прежде чем решиться на такое. Ведь все колокольни в Москве – это округлые одноярусные или многоярусные башни с окнами–премами. Такие колокольни

предназначаются для одного – двух звонарей, так как в них, попросту, тесновато. По проекту Ионы была создана просторная, сводчатая галерея с широкими окнами – проемами на 10 метров в ширину, 20 – в высоту и 30 – в длину. Совершенно уникальное сооружение! Здесь можно было удобно разместить большие и малые колокола, а звонари, располагаясь вдоль галереи, не мешали друг другу и звонили слаженно. На колокольне столпообразной, где звонари не видели и не слышали друг друга, звон часто выходил беспорядочным. Нижний этаж (основание ростовской звонницы) пуст и служит резонатором, усиливающим звук. Кроме того, колокольный ~ звон идет в сторону находящегося рядом озера Неро, которое своею гладью отражает звуковые волны прямо ввысь.

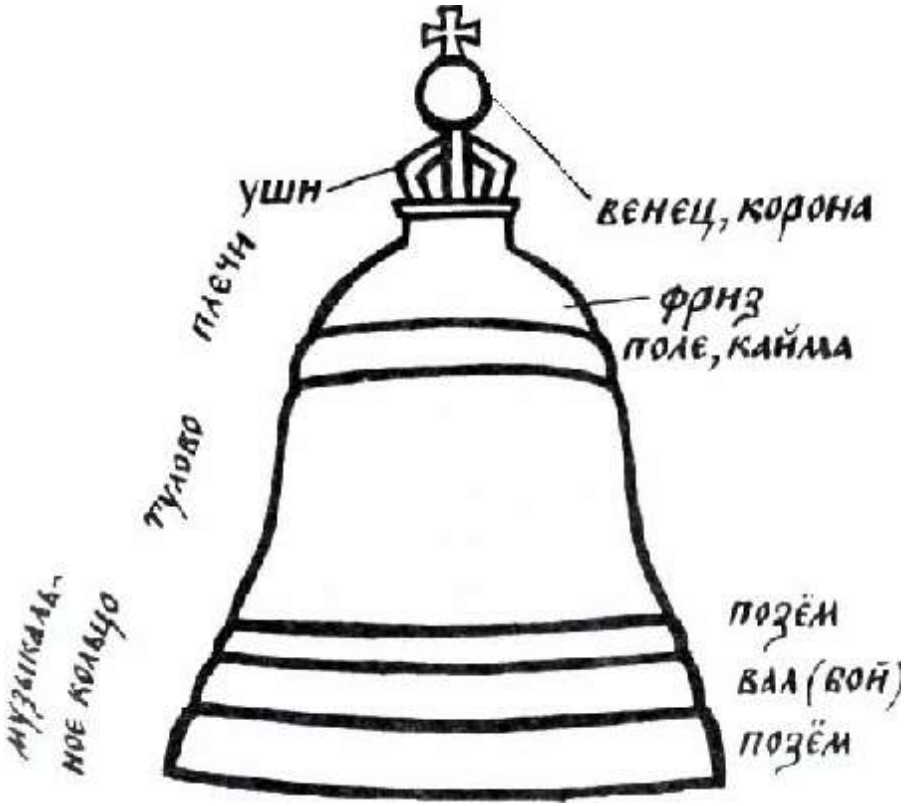
Позаботился Иона и о колоколах. По его настоянию мастером Андреевым были слиты два больших колокола: Лебедь в 500 пудов и Полиелей в 1.000 пудов. Выписанный Ионой московский мастер Фрол Терентьев отлил колокол в 2.000 пудов, названный по желанию Ионы в честь его отца Сысоем. Эти прекрасные колокола дали стройное до–мажорное трезвучие. Оно стало основой удивительных ростовских звонов, считающихся лучшими в мире. Вот их названия: Ионинский звон, создан и назван в честь Ионы; Георгиевский или Егорьевский – в честь управляющего после Ионы архиепископа Георгия Дашкова; Акимовский – по имени архиепископа Иоакима, последователя Георгия; Ионафановский – создан уже в XIX веке священником Аристархом Израилевым. Благодаря отцу Израилеву, сделавшему первые нотные записи колокольных звонов, Ростовские звоны восстановлены и сейчас звучат.

Форма колокола

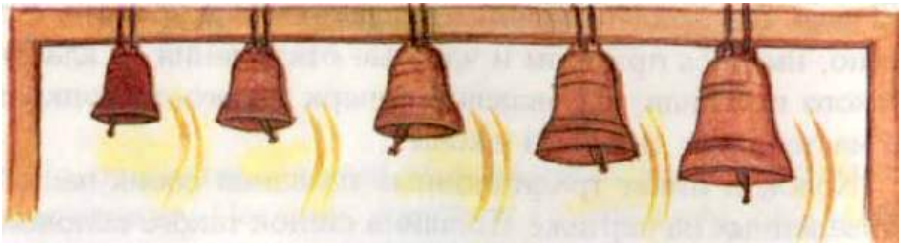
По преданию, первый христианский колокол принадлежал святому Павлину, епископу Ноланскому. Якобы он увидел во сне полевые колокольчики, издававшие приятный перезвон, и после этого сна велел отлить колокола, имевшие формы колокольчика.

Действительно, колокола можно сравнить с этим цветком. Но обратите внимание на фотографии: при общем сходстве форм, каждый колокол имеет свои отличия. Между колоколами XI-XII веков и более поздними – большая разница. И мастеров заботил не внешний вид, но звук. С увеличением размера и веса, голос колокола становился ниже и громче. Здесь выявилась прямая зависимость звука от формы или, как принято говорить, профиля колокола. Нужный профиль и искали мастера. В XI веке колокол напоминал улей, за что и был так назван. В XII веке по аналогии его назвали «сахарной головой», Так называемый классический или иначе готический профиль был найден в XIII веке. Его придерживались в последующие времена. Конечно, имелись при этом и частные отклонения от классического профиля, выдававшие почерк какого – о конкретно мастера или литейной школы.

Колокол имеет традиционные названия своих частей, приведенных на чертеже. Толщина свинок такого колокола неодинакова: к ушам – тоньше, к месту удара языком (музыкальное кольцо) – толще, а у самого края – совсем тонкая. При таком соотношении звук выходит хорошим.

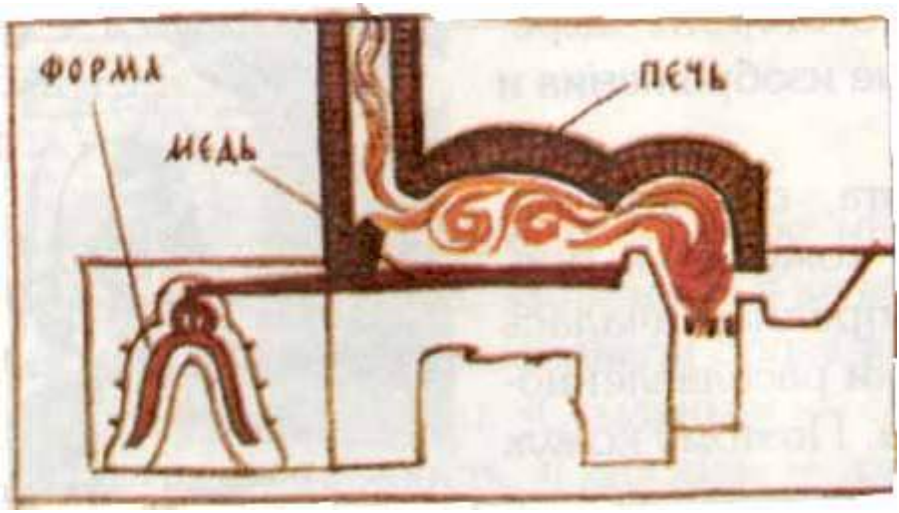

ушн
венец, корона
фриз
поле, кайма
плечи
тулово
музыкаль-
ное кольцо
позём
вал (вой)
позём

О колокольном звуке



Звонари различают в колокольном звуке три главных тона. Первый слышен сразу вслед за ударом. Если он густой, ровный, не заглушается другими тонами (призвуками), то колокол считается хорошим. Второй тон – это гул, который можно слышать через некоторое время после удара. Распространяется гул не так далеко как звон, а держится в воздухе дольше. У хорошего колокола гул сильный. Происходит он от дрожания частиц металла в ударном месте края (вал в музыкальном кольце). Чем толще вал, тем и гул сильнее. Но если толщина более положенного – гул разносится очень недалеко. Третий тон – это неприятное звененье, звуковой дефект, возникающий оттого, что слишком массивно дно и вся верхняя часть колокола с ушами. У небольших колоколов звененье сливается со звоном и почти не слышно, у больших резко выделяется. Мастер стремится добиться, чтобы колокол был звонким, имел сильный гул и совсем не имел звененья.

Как льют колокол

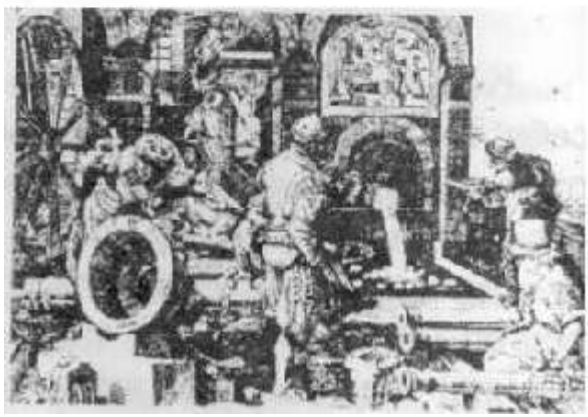


Колокола пьют из бронзы. Этот сплав, включающий в себя 78 процентов красной меди и 22 процента олова, проверен временем. Он не поддается коррозии, мало влияет на него и вибрация. Такая колокольная бронза обладает музыкальностью – звучным приятным голосом. Никакой другой металл не «поет» так хорошо. Ходило среди людей мнение, что голос колокола чище и звонче от добавки серебра и золота. Возникло оно в старину, когда церкви собирали на колокола пожертвования «мирскими грошами» и серебряными рублями, «чтобы колокол был звонче и лучше». В изломе колокольный металл имел серебристый блеск. Все это было причиной легенд о серебре.

Отливка христианского колокола всегда начиналась с испрошения благословения Божия, когда мастер и рабочие молились перед иконами с зажженными свечами. А отливка большого колокола включала молебствие с водосвятием. Для изготовления большого колокола готовили яму, обкладывали ее кирпичом и внутри устраивали печь для обжигания формы. Форма состояла из двух частей: глиняной болванки и верхней части – кожуха из железных прутьев, обмазанных глиною. Болванку и кожух обжигали огнем до крепости железа. После этого кожух обвязывали веревками и приподнимали. Мастер заходил под кожух и на внутренней его стороне вырезал нужные изображения и письмена.

Пустота, образующаяся между кожухом и болванкой, предназначалась для заливки расплавленного металла. Поэтому кожух внутри и болванку снаружи обильно смазывали жиром,

чтобы медь по ним быстро стекала. Кожух ставили на прежнее место. Всю форму засыпали землей или делали вокруг нее плотную кирпичную кладку для прочности ее стояния.



На краях ямы ставили плавильные печи (домны), откуда по желобам расплавленный металл устремлялся в форму и наполнял ее снизу доверху. Остывала эта раскаленная масса большого колокола неделю и более, а малый колокол остывал два–три дня. Затем колокол освобождали: разрывали землю, снимали кожух, вынимали из ямы и обтачивали, отшлифовывали. При этом мастера знали: чем лучше отшлифован колокол, тем чище будет его звук. Все украшения, надписи и рельефы изображений делались с оглядкою на подобные неприятности. Язык выковывался с соблюдением соотношения 5 пудов на 100 – пудовый колокол.

Колокольная бронза на воздухе окисляется, покрывается зеленоватым углекислым порошком – патиной. Слой платины

предохраняет металл от последующих влияний атмосферы.

Названия колоколов

Названий колоколов существует великое множество. «Пленными» называли колокола, забранные в качестве трофея во время войн. Часто их именовали более конкретно – Немчин, Татарин, Голландец. «Ссыльные» – сосланные царями за какую–то провинность. «Царские» – жертвованные царскими особами монастырям и храмам. «Карнаухие» – с отрубленными ушами. «Лыковые» – разбитые и связанные лыком (так делали в старину).

Названия указывали на обязанности колокола: вечевые, набатные, часовые, путевые или вестовые, метельные.

Церковные колокола подразделяются на Благовестники, оповещающие о начале службы, Полиелейные – для больших праздников («полиелей» – слово греческое, означает «многомаслие»). Колокола с красивым, приятным, веселым голосом называют «Красными». Многим колоколам на Руси давали имя «Лебедь» за сильный и резкий звук, напоминавший громкий крик этой птицы. А за неровный дребезжащий звук колокола получали меткие прозвища «Козел», «Баран». Великим постом благовестят в «Голодарь». Многие колокола именовались в честь праздников, святых. Юрьев – Георгиевский монастырь под Новгородом имел колокола: Гавриил, Георгий, Крест, Неопалимая Купина. Колокол в Московском Кремле получил название, по одним предположениям, от старинного названия «Ревун», по другим, от старого названия нот «ре» и «ут».

Колокол «Ясак», имеющийся на многих больших колокольнях, дает знать, когда надо начать или прекратить благовест или звон. На больших колокольнях и звонницах есть также особые колокольчики, называемые «кандия» или просто «звонец», предупреждающий звонаря о начале звона. Колокольчики и бубенцы очень любили на Руси. Их музыкой украшали долгую и томительную езду на лошадях по бескрайним русским просторам. Сделать это было просто, колокольчики и бубенцы вешались под дугой и при быстрой езде встряхивались, издавая множество серебристы звуков. Назывались они по месту своего изготовления валдайскими (Валдайские заводы Новгородской губернии), пурехскими (мастерские села Пурех Нижегородской губ.).

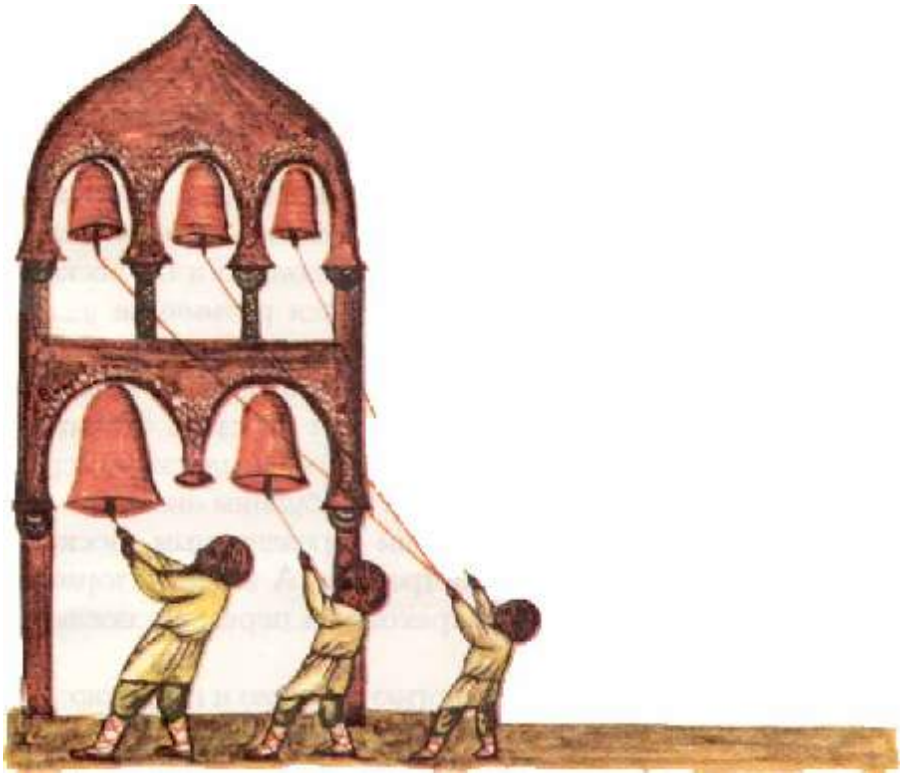
Церковные звоны

Церковные звоны разделяются на три основных вида: благовест, перезвон (или перебор) и трезвон. Благовест, звонят в один колокол. Удары в разные колокола поочередно называют перезвоном или перебором. Звон, при котором звонят во все колокола в три приема с паузами между ними, называется трезвоном.

Благовест бывает к утрени, вечерни и к так называемым часам перед литургией. Строение благовеста следующее: три редких удара, медленных, протяжных, до полного угасания звука; затем идут удары более короткие, мерные, в которых как бы слышен призыв: «К нам... к нам...»

На колокольнях, имеющих несколько больших колоколов, и благовестников обычно несколько. Благовест в самый большой колокол звонят по большим двунадесятым праздникам. Он разносится далеко окрест, звонит долго, до сотни и более ударов. Звуки его особо торжественны. Звонарь, раскачав язык, бьет им в один край, а затем по инерции с силой посылает его в противоположный. Если в колоколе одна – две и более тысяч пудов, то язык раскачивают несколько звонарей. Получаются ритмичные удары, создающие настроение праздничности.

Благовест в подбольший колокол, второй по величине после большого, звонят в праздники не столь значительные, ударяют в один край. Блававест во вседневный, средний по величине колокол, звонят по будним дням. К торжественным литургиям (праздничным, воскресным) за благовестом следует трезвон. А в особо торжественных случаях благовест переходит в перезвон, после чего следует трезвон. В церкви различают литургию раннюю и позднюю. Перед ранней литургией благовест бывает не частый, без перебора и трезвона. Перед поздней литургией благовест частый, с трезвоном в конце. Благовест бывает и во время литургии: начинается с пения «Достойно и праведно есть поклонятися Отцу и Сыну и Святому Духу» и продолжается до пения «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу».



В старой России, наполненной колоколами и звонами, обычными были выражения: «звонарь трезвонит на колокольне», «трезвонит во всю» и подобные, обозначавшие тс же самое, что «звонит». Но точное происхождение слова «трезвон» идет от слов «три звона». То есть это особая форма звона, состоящая из трех частей, когда колокольная музыка, в которой используется весь (или почти весь) набор колоколов, повторяется трижды с небольшими перерывами. И если благовест только призывает к службе, то трезвон возвещает уже действительно начало службы. Каждый храм и монастырь имеет свой трезвон, неповторимый, так как нельзя повторить один набор колоколов.

Если такая колокольная музыка с перерывами повторяется не трижды, а дважды, то ее называют «двузвон».

Перезвон – один из самых древних приемов звона. Звонарь перебирает по очереди колокола. Перезвон лежит в основе двух совсем разных по характеру звонов: свадебного и погребального, проводного. Первый почти забыт, ведь долгие годы венчание было под запретом. Поэтому знание об этом звоне мы имеем из описаний дореволюционного времени. Более точное название этого звона – «послесвадебный, разгонный». Уже в названии «разгонный», указывающем место звона, – в конце венчания, чувствуется оттенок того веселия и бодрости, которыми блещет

этот звон. Начинается он длинным ходом от малых зазвонных колоколец (допустим, по 7 ударов в каждый), с постепенным прибавлением больших колоколов, образуя могучее нарастание звука – крещендо. Кончается все движение ярким фортиссимо (очень громко), когда те же 7 ударов бьют все колокола вместе. Прекращается этот гомон ударом «набольшего» колокола. Количество ударов в каждый колокол, вероятно, звонарь мог устанавливать сам. Применяя свою выдумку, может быть, он добавлял к тому же и свой ритмический рисунок.

В проводном или погребальном звоне перебираются колокола уже не весело, но грустно. Здесь выражается скорбь об усопшем человеке. Удары должны быть медленны, по одному разу в каждый колокол, начиная с самого малого до самого большого. После этого ударяют одновременно во все колокола. Затем следует повторение. Движение от малого колокола к большому означает собой жизнь человека на земле, от младенчества до старости. Одновременный удар во все колокола – оставление всего земного и пресечение земной жизни смертью. После этого по русскому православному обычаю совершается краткий трезвон, как напоминание о воскресении души, дающее провожающим усопшего благодатное утешение. Таким образом, когда усопшего несут на отпевание в храм, положен скорбный перебор, а при внесении в храм – трезвон. После отпевания, при выносе из храма – снова перебор колоколов, оканчивающийся трезвоном.

И еще раз о звуке

Звонят звонари и звоном врачуют русскую землю. Сегодня ученые института литосферы, заинтересовавшись чудесными целительными действиями колокольного звона в периоды эпидемий, тщательно исследовали колокольный звук. Они подтвердили, что энергия ультразвуковой волны колокола действительно врачует человека и окружающую атмосферу. Колокольный звон обезвреживает вирусы гриппа, желтухи, в несколько секунд уничтожает тифозную палочку и другие инфекции. Неверующие ученые недоумевают: откуда все это знали много веков назад наши предки, круглые сутки клепая то в одни, то в другие колокола, пока не сгинет болезнетворная напасть? А верующие ученые отвечают без сомнения: эти знания от Бога. И в Великую пасхальную ночь великий колокольный звон разливался по всей России, ликованием встречая, весть о воскресении Спасителя, освободившего нас от тления духовного. Вслушайтесь, как множество людей замирало в эту ночь в ожидании первого колокольного удара в; «святая святых России» – Московском Кремле. «Тысячную толпу не слыхать, – она совершенно смолкла. Молчит и вся Москва. Но вот раздается первый удар необычайно мягкий, негромкий „contra A“ на Ивановской колокольне, Он дает сигнал всей Москве. Через 5 – 6 секунд уже ударили все „сорок-сороков“, и загорелись иллюминации всех колоколен. Загораются свечи тысячной толпы у Кремлевских соборов. Гудит мягкий басовый звук, вдруг сменяющийся торжественным звоном. В этой силе исчезает все: и начавшаяся пушечная пальба, и пение хоров в появившихся крестных ходах, и вздохи волнующейся массы тысячей. Только и слышен один звон, видно разом море свечей... Звон оглушительный, властный, сущее торжество!..»

Библиография

1. Куприн А. И. «Мой паспорт» (Из кн. «Знаменитые колокола России», М., 1994).

2. Пухначев Ю. «Колокол» (Ж. «Наше наследие», стр.11, 13, 110).

3. Казанский П. «История православного русского монашества» (по кн. С. А. Ярешко «Колокольные звоны России», М., 1992).

Художник Елена Кузнецова

notes

Примечания

1.

Колокола принято исчислять в пудах.